Однако присутствие в «Слове о полку Игореве» элементов «славы» (прославления) могло быть вызвано не только темой, т. е. событиями, легшими в основу произведения, но и особенностями русского жанра «трудных повестий».

В свое время я уже неоднократно писал о том, что в «Слове» соединены два фольклорных жанра — «слава» и «плач», прославление князей и оплакивание печальных событий. Как это ни странно, эти два жанра близки между собой не только по форме, но и по содержанию: в плачах есть элементы прославления. И в других произведениях древней Руси мы можем заметить тоже соединение «слав» в честь князей и «плачей» по погибшим. Так, например, близкое по ряду признаков к «Слову о полку Игореве» «Слово о погибели Русской земли» представляет собой соединение плача о гибнущей Русской земле со славой ее могучему прошлому.

Это соединение в «Слове о полку Игореве» жанра «плачей» с жанром «слав» не противоречит тому, что «Слово о полку Игореве», как «трудная повесть», близко по своему жанру к «chansons de geste». «Трудные повести», как и «chansons de geste», принадлежали к новому жанру, очевидно соединившему при своем образовании два более древних жанра — «плачи» и «славы». «Трудные повести» оплакивали гибель героев, их поражение, и восхваляли их рыцарские доблести, их верность и их честь.

Как известно, «Песнь о Роланде» не есть простая запись устного, фольклорного, произведения. Это книжная обработка устного произведения. Во всяком случае, такое соединение устного и книжного представляет текст «Песни о Роланде» в известном Оксфордском списке.

То же самое мы можем сказать и о «Слове о полку Игореве». Это книжное произведение, возникшее на основе устного. В «Слове» органически слиты фольклорные элементы с книжными.

Характерно при этом следующее. Больше всего книжные элементы сказываются в начале «Слова». Как будто бы автор, начав писать, не мог еще освободиться от способов и приемов литературы. Он недостаточно еще оторвался от письменной традиции. Но по мере того как он писал, он все более и более увлекался устной формой. С середины произведения он уже не пишет, а как бы записывает некое устное произведение. Последние части произведения, особенно «Плач Ярославны», почти лишены книжных элементов.

* * *

Я начал свою статью с утверждения, что в XI—XIII вв. на Руси недостаточно оформились многие новые жанры и были произведения, которые стояли обособленно в жанровом отношении, носили «монадный» характер. Однако эта жанровая обособленность вела к образованию новых жанров. Мы не можем сейчас решить окончательно, было ли «Слово о полку Игореве» совершенно одиноко в жанровом отношении, как некая «трудная повесть», «chansons de geste», или были и другие произведения того же жанра. Во всяком случае — одинокое или не одинокое — «Слово» представляло собой некое закономерное и характерное явление для литературы и для фольклора раннефеодального периода. «Слово» позволяет во всяком случае утверждать, что лиро-эпические «chansons de geste» были явлением общеевропейским. Вместе с тем, как созданное вскоре после легших в его основу событий, оно позволяет видеть, какими были «chansons de geste» сразу после своего создания.